

г. Москва

ДОКТОР филологических наук, лауреат Ленинской премии, призовой ему за книгу «Мастерство Некрасова», Корней Иванович Чуковский в 1962 году, вернувшись из поездки в Англию, стал порой появляться в пурпурной мантии средневекового покроя и в черной шапочке с плоским верхом. Теперь он был почетным доктором литературы Оксфордского университета. Коля Корнейчуков, «незаконнорожденный» сын украинской крестьянки и питерского студента, изгнанный в свое время из гимназии по циркуляру о «кухаркиных детях», в такой же мантии, какую до него носил Тургенев.

Фамилия матери (Корнейчукова) стала именем сына: Корней Чуковский. Впервые оно появилось под статьей об искусстве в «Одесских новостях» (1901). Чуковскому было тогда 19 лет. Гимназию он кончил заочно, английским овладел самоучкой. Стихи Чуковский сочинял еще в детстве. А потом он испытал сильнейшее влияние Чехова — еще не на литературный стиль, а на стиль жизни: твердые правила поведения, ненависть к пошлости, обывательщине, демократизм, каждодневный труд, творческое общение с людьми. Это влияние причудливо скрестилось с влиянием американского поэта-демократа Уолта Уитмена, чьи «Листья травы» юный Чуковский раздобыл у иностранного моряка в Одесском порту.

Дальше — газетная поденщина, поездка в Лондон (1903), переезд в Петербург (1905), редактирование сатирического журнала «Сигнал», суд «за оскорбление величества», освобождение под залог (1906), статьи в журналах, лекции, диспуты, тесное знакомство, а то и дружба с выдающимися деятелями русской культуры, первая книга «От Чехова до наших дней» (1908), сделавшая Чуковского авторитетным критиком, потом первые статьи о детском чтении, о «растлевающей молодежи» пропагандой реакционных идей, «неряшливой, мешанской, пошлой» детской литературе тех лет. А в 1911 году незабвенный ночной разговор у колодца в Куоккале с Короленко, когда было решено, что дело жизни Чуковского — это некрасоведение. Он стал исследователем, собирателем неизданных произведений Некрасова, первым редактором освобожденного от цензурных изъятий собрания сочинений великого поэта (1920) — эту работу одобрил В. И. Ленин. «Чуковский дал стране, — писал Ю. Н. Тынянов, — более 15.000 новых, неизвестных стихов (т. е. строк. — В. Б.) Некрасова».

К. И. Лозовская, секретарь Чуковского, пишет, что Чуковский всю жизнь «как бы держал в своих руках не-

сколько нитей и то вытягивал одну за другой, то параллельно выдергивал две-три сразу, то надолго оставлял их в покое». Вот даты первых и последних публикаций его разносторонних трудов.

Чехов: первая статья о нем — 1904 год, «Книга о Чехове» — 1969 год. Уитмен: первые переводы — 1905 год, книга «Мой Уитмен» — 1969 год. От первых переводов идет нить и к последнему изданию теоретической книги о переводе «Высокое искусство» (1968). Дети: статья «Спасите детей» — 1909 год, 21-е издание «От двух до пяти» — 1970 год (через год после смерти писателя). Некрасов: статья «Мы и Некрасов» — 1912 год, 4-е издание книги «Мастерство Некрасова» — 1966 год. Языковедческие интересы Чуковского нашли завершение в книге «Живой как жизнь» (1966), а литературные портреты — в ме-

тогдашней детской поэзии, оказалось, что у Чуковского уже есть подобная сказка. Как-то в поезде, развлекая больного сына, он вслух принялся ее сочинять, а утром мальчик вспомнил услышанное от первого до последнего слова. Сказка, как нож в масло, вошла в детскую среду и, появившись в печати («Крокодил» вышел в приложении к «Ниве» летом 1917 года), к ужасу ее автора, тут же и навсегда затмила славу и популярность Чуковского-критика:

**Жил да был Крокодил,
Он по улицам ходил,
Папиросы курил,
По-турецки говорил.**

За «Крокодилом», уже в советское время, последовали, параллельно со статьями о детской психике, сказки для самых маленьких: «Тараканище» и «Мойдодыр» (1922), «Муха-цокотуха» (1923), «Бармалей» (1925), «Телефон», «Путаница»,

лирические стихи, а в 1946 году опубликовал чудесное «Никогда я не знал, что так радостно быть стариком». И все же он, как истинный лирик, сумел в сказках для малышей выразить всего себя во всем богатстве своей личности, своих многообразных интересов, вкусов, пристрастий.

Чуковский-критик, по наблюдению М. Петровского, автора «Книги о Чуковском», всегда искал у писателей их любимые ключевые слова и по ним угадывал сокровенные черты личности каждого. Вот что подметил он у Чехова: «Из всех этих «обыкновенно», «почти всегда», «вообще», «преимущественно» легко убедиться, как много души отдавал он науке человековедения, которая для него была драгоценнее всех прочих наук... В ней была вся его радость». Примерно те же слова: «все» и «каждый», «всякий» и «всег-

В С Е М И Л Ю Б И М Ы Е С Т Р О К И

К 100-летию со дня рождения К. И. Чуковского

муарной прозе «Современники» (1967). Вот главные нити его творческой жизни. Очень интересно следить за их движением, переплетением. Еще одна нить, связанная с другими, но самая яркая — сказочная нить детской поэзии Чуковского.

Ученый и поэт слиты в Чуковском неразрывно. «Научные выкладки, — писал он Горькому о работе критика, — должны претворяться в эмоции». Это ключ к творчеству Чуковского. Выкладки, ставшие эмоциями, мысль, ставшая чувством. Он начинает как ученый, а заканчивает как поэт.

Ученым он стал уже в 25 лет, а истинным поэтом — на середине четвертого десятилетия. Это резко противоречит общеизвестному факту, что поэт формируется раньше, чем ученый.

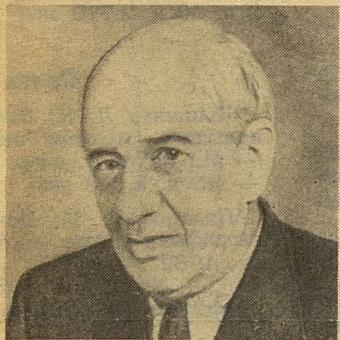
«Поэзия для детей, — писал он в конце жизни, — такой трудный, такой художественно ответственный жанр, что к овладению им нужно было готовиться долгие годы». Детский поэт-сказочник складывался в повседневной работе литературного критика и, что очень важно, в часы досуга, которые он проводил с детьми.

И когда Горький для будущего альманаха «Елка» заказал Чуковскому (поразительная проницательность!) сказку в духе «Конька-Горбунка», полагая, что одна такая вещь стоит десятка обличительных статей против

«Чудо-дерево» и «Федорино горе» (1926), «Краденое солнце» и «Айболат» (1935), «Бибигон» (1945), «Спасибо Айболиту» (1955), «Муха в бане» (1969), переводы английских детских песенок, прибаутки, загадки. В отличие от «Крокодила», предназначенного скорее для пяти-семилетних детей, эти сказки были созданы для возраста от двух до пяти и рассчитаны на чтение перед množеством детей.

Деятельность Чуковского как советского детского писателя не ограничивается дошкольным возрастом. К младшим школьникам обращены новаторский пересказ древнегреческого мифа о Персее, пересказы «Приключений барона Мюнхгаузена» Распе, «Робинзона Крузо» Дефо, переводы «Сказок» Киплинга, «Принца и нищего» и «Тома Сойера» Марка Твена, «Маленького оборвыша» Гринвуда, к подросткам — автобиографическая повесть «Серебряный герб», антология русских классических стихов «Лирика». Им же можно рекомендовать многие из литературоведческих работ Чуковского. Недаром воспоминания о Житкове печатались в «Пионере», а с воспоминаниями о Горьком он в школах знакомил учеников 6-х классов. А книги «Современники» и «Мой Уитмен» полюбятся старшеклассникам.

Лишь в молодости Чуковский изредка печатал свои

да» были ключевыми и у самого Чуковского, они пронизывают все его «взрослые» книги и каждую детскую сказку. И вот, идя от литературоведения к человековедению, он обнаружил, что «есть среди нас миллионы существ, которые все до единого пламенно любят стихи, упииваются ими, не могут без них обойтись. Это — дети, особенно маленькие».

У Чуковского бесчисленные «все», «всякий», «всегда», которыми инструментованы его статьи, выражают не только мысль, но и чувство, радость открытия, познания... В них ключ к его сказкам, к их неиссякаемому оптимизму. «Всякая искренняя детская сказка всегда бывает рождена оптимизмом, — пишет он в «Признаках старого сказочника». — Ее живет благодатная детская вера в победу добра над злом».

В сказках Чуковского ВСЕ касается ВСЕХ. Уж если беда, то вселенская, вплоть до светопреставления («Краденое солнце»), а если радость, то всемирная, от нее на осинах зреют апельсины, а на березах вырастают розы («Радость»).

Чуковский-поэт вместе с маленькими читателями решает тот же конфликт, с каким не раз пришлось сталкиваться Чуковскому-ученому.

Валентин БЕРЕСТОВ.